

ЭТНИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА МИГРАЦИИ В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ И ИНСТИТУТАХ: СЛУЧАЙ РОССИИ И ГЕРМАНИИ*

Миграция – феномен многомерный. Он имеет социальную, экономическую, политическую, культурную, демографическую, социально-психологическую, гуманитарную, криминологическую и даже геополитическую¹ составляющие. Соответственно, и анализировать этот феномен можно под разными углами зрения, используя разные категории. В данной статье речь пойдет о специфическом способе осмысления миграции, а именно – ее освоении в этнических категориях. Данную интеллектуальную процедуру я буду называть *этнизацией* миграции.

В первой части статьи я сосредоточусь на особенностях публичного дискурса, обуславливающих этнизацию миграции. Во второй части коснусь институциональных факторов, способствующих восприятию миграции в этнических терминах. В третьей, заключительной, части попытаюсь сопоставить российский и немецкий способы обращения с миграцией.

I

Этнизация феномена миграции – прямое следствие этноцентричного дискурса. Под этноцентричным мышлением, или этноцентризмом, я подразумеваю такой способ теоретического упорядочения (классификации, организации) социальной реальности, при котором базисной категорией является «этнос», в свою очередь понимаемый в эссенциалистском смысле как самодостаточная данность, которая выполняет роль субъекта истории и самостоятельного агента социального действия².

Понятно, что в рамках этого дискурса этнизируется не только миграция, но общественная действительность в целом. Этноцентричный дискурс систематически влечет за собой:

- редукцию социальных различий к этническим, а социального взаимодействия – к взаимодействию между этническими (этнокультурными или этноконфессиональными) группами;
- отождествление культурной и этнической идентичности индивидов, фиксацию культурной принадлежности в зависимости от этнической аскрипции.

Родившись «русским», индивид приписан к «русской культуре», родившись «евреем» или «чувашем» – к «еврейской» или «чувашской» культуре.

В результате конфликты, возникающие на почве конкуренции за доступ к власти и ресурсам, понимаются как проявление взаимной несовместимости этнических групп: «французов» с «арабами», «казаков» с «армянами», «православных славян» с «мусульманами-кавказцами» и т.п. В таких концептуальных рамках миграционный приток населения, этнически отличного от основного населения принимающего сообщества, не может быть воспринят иначе, как в терминах *угрозы*.

Вполне уместно спросить, кто и почему (вос)производит этноцентричный дискурс. На мой взгляд, можно выделить следующих субъектов такого (вос)производства. Это:

- часть федеральных и региональных элит;
- этнические активисты;
- эксперты.

Остановимся на каждом из случаев подробнее.

Представители элит прибегают к этническим классификациям отчасти по инерции, отчасти по инструментально-политическим соображениям. Хотя все знают, что отношения между Москвой и Казанью – это отношения между федеральным центром и субъектом федерации, они могут быть истолкованы в качестве отношений между «русским народом» и «татарским народом». Для региональных лидеров национальных республик, где титульная нация составляет значительную часть населения, этническая риторика – апробированный способ накопления символического капитала, а для некоторых московских

* Работа выполнена при поддержке Фонда Д. и К. Макаруров.

¹ В той мере, в какой миграция приводит к появлению «глобальных диаспор», она становится фактором международной политики. Одним из первых эту тему стал разрабатывать Арджун Аппадурай. См.: Appadurai A. Globale ethnische Raume // Perspektiven der Weltgesellschaft / U.Beck (Hrsg.). Fr. a. M.: Suhrkamp, 1998. S. 11–40.

² См. об этом подробнее мою статью: Преодолимо ли этноцентричное мышление? // Расизм в языке социальных наук / Под ред. В. Воронкова, О. Карпенко, А. Осипова. СПб: Алетея, 2002. С. 9–22.

чиновников – привычная модель упрощения той реальности, которой они собираются управлять³. Вспомним, сколько шума наделало в свое время заявление президента Башкортостана М. Рахимова о том, что его республика никогда не смиритсЯ с тем, что от «родственного Казахстана» ее отделяют «каких-то 38 километров оренбургской земли»⁴.

Вот несколько свежих примеров проявлений этноцентризма в восприятии миграции правящим классом России. Председатель Комитета по делам федерации и региональной политике Совета Федерации Александр Казаков, характеризуя турок-месхетинцев, говорит об их стремлении создавать уклад жизни, носящий «противоправный характер по отношению к русскому образу жизни»⁵. Член Федерального собрания не уточнил, с каких пор «русский образ жизни» стал правовым понятием. Зато он продумал, как придать легальный статус депортации нежелательных лиц из трудоизбыточных регионов: необходимо создать список закрытых зон, «в которых требуется особая регламентация въезда для иностранных граждан и лиц без гражданства». Эта регламентация затрагивает в первую очередь мигрантов из числа турок-месхетинцев, армян и других меньшинств. Понятно, что зарегистрированы в упомянутых зонах они не будут. Следовательно, их как нарушителей ожидают «меры административного принуждения, включая переселение с указанных территорий»⁶.

Слышны этноцентричные обертоны и в некоторых официальных документах последнего времени. Так, в постановлении Совета Федерации «О ситуации в Краснодарском крае, складывающейся в сфере миграции и межнациональных отношений» говорится о возможных мерах по «временному отселению» (читай: депортации) «из районов конфликтных ситуаций и экологических угроз» определенных категорий граждан. Поскольку одна из этих категорий названа по имени («турки-месхетинцы»), можно констатировать, что в основу классификации социального пространства положен этнический принцип.

Другой субъект этноцентричного дискурса – активисты движений за «этническое возрождение», они же – этнопредприниматели, они же – брокеры от культуры. Это лидеры многочисленных культурно-этнических и этноконфессиональных организаций и неформальных структур, которые иногда по искреннему убеждению, а иногда по вполне циничному расчету представляют социальное взаимодействие в качестве взаимодействия между «этносомами». Присутствие в том или ином регионе определенного количества мигрантов, этнически отличных от основного населения, эти люди воспринимают как *a priori* нежелательное. Аргументы при этом приводятся, как правило, рациональные: нехватка рабочих мест, негативная криминогенная ситуация, давление на социальную инфраструктуру и т.д. Однако решающее значение имеет иррациональная мотивация: страх за «культурно-этническую чистоту».

Наконец, в производстве и воспроизводстве этноцентричного дискурса участвуют **представители академического** – в том числе экспертного – сообщества.

В этой связи с самого начала следует обратить внимание на традицию отечественной «теории этноса», заложенную ее классиком Ю. Бромлеем и продолженную ее диссидентом Л. Гумилевым. Эссенциализм Бромлея, с одной стороны, и натурализм Гумилева, с другой, оказали на нашу читающую публику огромное влияние⁷. Большинство российских журналистов и значительная часть экспертов, независимо от того, считают ли они себя приверженцами этих авторов, заняты тиражированием их представлений об этносах как «биосоциальных организмах», о присущих им свойствах (характере, темпераменте, возрасте, склонностях) и степени их «пассионарности».

За экспертизами по культурно-этническим проблемам, которые предлагают российские ученые телевидению и прессе, нетрудно разглядеть знакомые образы. Это все те же гумилевские этносы, озабоченные собственной чистотой и потому крайне болезненно реагирующие на перспективы ее «загрязнения» мигрантами.

На этом фоне возникают категории типа «этнический баланс» и «этнокультурная безопасность», привлекающие своей квазиобъективностью. Хотя «этнический баланс» – фантомное представление, это

³ Так, бывший глава Министерства по делам национальностей Вячеслав Михайлов в предисловии к программному сборнику по этнической политике писал: «Что такое национальная политика? Если говорить коротко, то это искусство соединения национальных интересов. А таковые имеет каждый народ. Поэтому национальная политика состоит в том, чтобы максимально гармонизировать эти интересы». См.: Национальная политика России: История и современность. М.: Русский мир, 1997. С. 3.

⁴ Цит. по: Сравнительный регионализм: Россия-СНГ-Запад. Н. Новгород, 1997. С. 153.

⁵ См.: Московские новости. 2002. №30. 6–12 авг. С. 6. Любопытен заголовок статьи сенатора – «Меры жесткие, но законные».

⁶ Там же.

⁷ Размышляя о причинах такого влияния, В.А. Тишков высказывает предположение, что оно было вызвано в первую очередь монополизацией нашего интеллектуального пространства сторонниками данной парадигмы. В ситуации идеологического вакуума конца 1980-х – начала 1990-х годов именно последователи бромлеевской школы или ее гумилевского ответвления получили возможность определять как кадровую и институциональную, так и издательскую политику (кафедры и факультеты, специализирующиеся на этнологии, этносоциологии, этнопсихологии, огромные тиражи соответствующей литературы, в том числе рекомендуемой в качестве учебников для вузов). См. Интервью с профессором Валерием Тишковым // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4 (16). С. 5–36; См. также: Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 119.

выражение, попадая из лексикона журналистов и политиков в лексикон экспертов, приобретает флер научной респектабельности. Никто из аналитиков, оперирующих этим понятием, не поясняет, на основании каких критериев «этнический баланс» высчитывается. Между тем у многих, в том числе академических, авторов, пишущих на темы иммиграции, стала чуть ли не общим местом цифра 10 %. На нее смотрят как на показатель критической массы, превышение которой чревато этническими конфликтами.

«Пример других государств показывает, – пишет Лев Перепелкин, – что стоит доле иноэтничных мигрантов вырасти до 10 %, как чуть ли не автоматически начинается всплеск фобий». Откуда взялась эта цифра? Почему во многих регионах с гораздо большим количеством мигрантов «всплеска фобий» не наблюдается, и наоборот: почему мигрантофобия и насилие на почве расовой и этнической ненависти имеют место там, где мигрантское население в процентном отношении к местному весьма незначительно? В качестве подтверждения своего тезиса автор приводит пример Франции: «Так, к середине 1990-х гг. численность иммигрантского населения достигла во Франции 10-процентного барьера – и на президентских выборах 1995 г. Ж.-М. Ле Пен, который видит в иноэтничном населении «угрозу существования Франции» и предлагает «очистить страну от мигрантов», получил 15 % голосов. Сходная ситуация характерна для многих стран, куда с 1960-х гг. направлялись интенсивные потоки гастарбайтеров и переселенцев». Здесь целый ряд недоговоренностей и неточностей, не устранив которые, мы рискуем погрешить против истины.

Связь между популярностью правых радикалов и интенсификацией иммиграции в самом деле существует. Однако эта связь далеко не прямая. Так, в Швейцарии количество мигрантов по отношению к основному населению страны составляет 18 %, однако об особенно тревожном увеличении ксенофобии здесь говорить не приходится. Когда в 2000 г. председатель право-радикальной Народной партии И. Блохер выдвинул инициативу законодательно закрепить максимально допустимое количество мигрантов (те самые 18 %), общество отклонило это предложение. В 2002 г. провалилась другая инициатива ультранационалистов – ввести в законодательство поправку, запрещающую мигрантам подавать ходатайство о предоставлении убежища, если они прибыли в Швейцарию из «третьей страны», а не непосредственно из того государства, где терпели преследования. Граждане Швейцарии – через референдум – отклонили эту поправку, продемонстрировав тем самым, что «наплыв» мигрантов не самый важный предмет их страхов.

А вот австрийцы, где пропорция мигрантов по отношению местным жителям гораздо ниже, чем в Швейцарии, отдали в 1999 г. Йоргу Хайдеру и его антииммигрантской Партии Свободы 27 % голосов. Правда, тремя годами позже те же самые избиратели отвернулись от Хайдера, хотя иммигрантов в Австрии не стало меньше. Как видим, сам по себе электоральный успех правых популистов не может служить основанием для выводов о «всплеске фобий».

Попытки ученых придать своим предубеждениям видимость научной обоснованности с помощью ссылок на «зарубежный опыт» порой бывают откровенно неуклюжими. Продолжим цитирование Л. Перепелкина. По его мнению, рост неприязни к мигрантам «во многом» объясняется тем, что «местные общества оказались не в состоянии «переварить» в культурном отношении многочисленное пришлое население, отличное от них в религиозном, языковом и антропологическом отношении». Далее следуют рассуждения о «критической точке» в количестве мигрантов, достигая которой «масса иностранных рабочих приобретает новую сущность», а именно – начинает стремиться к добровольной сегрегации от принимающего сообщества. В добровольном характере этой сегрегации автор не сомневается, поскольку потребность мигрантов «сохранить этнокультурную самобытность» кажется ему не подлежащим сомнению императивом действий гастарбайтеров и беженцев, а вопросом об объективных препятствиях в социальной интеграции мигрантов он не задается. Экономические, правовые и иные социоструктурные факторы, порождающие сегрегацию, находятся вне рамок анализа, поскольку исходным допущением автору служит «культурная конкуренция» между мигрантами и принимающим сообществом. Отсюда заключение, согласно которому «культурная конкуренция между группами ведет к насилию на этнической почве (турецкие погромы в Германии)». Перед нами вновь искажение реальности, тем более досадное, что производит его не газетный репортер, а представитель академического сообщества.

Во-первых, происшествие, которое автор назвал «турецкими погромами», представляет собой несколько иное явление, нежели то, которое обозначается словом «погром». Погром предполагает сравнительно массовое насилие, тогда как в акциях против членов семей турецких гастарбайтеров в городах Золинген и Мельн в 1992–1993 гг. принимало участие менее десяти человек. Зато, заметим, на демонстрации, осуждавшие вылазки скинхедов, вышли сотни тысяч немцев (от 150 до 300 тыс. чел. почти в каждом крупном городе ФРГ).

Во-вторых, автор поспешил увязать эти события с ростом иноэтничного населения, вызываемым миграцией. Количество турецких гастарбайтеров в 1992–1993 гг., т.е. в момент «турецких погромов», принципиально не изменилось по сравнению с 1990–1991 гг., когда ничего подобного не происходило. И

опять-таки подобные эксцессы по отношению к выходцам из Турции перестали случаться после 1993 г.⁸, хотя количество турецких гастарбайтеров за это время возросло на десятки тысяч.

В-третьих, пример Германии показал, что интенсивность ксенофобских настроений и возможность всплеск насилия на этой почве в гораздо большей степени определяются таким прозаическими вещами, как уровень безработицы (особенно среди молодежи), успешность (или неуспешность) социальной политики в конкретном регионе и т.п., чем надуманными процентами присутствия «иноэтнического населения». В большинстве так называемых «новых федеральных земель» (т.е. на территории бывшей ГДР) количество мигрантов принципиально ниже, чем в большинстве «старых», а активность бритоголовых там выше.

Итак, каузальной зависимости между процентами мигрантского населения и мигрантофобией в действительности не существует. Но она существует в головах авторов, исходящих из идеала этнической однородности и воспринимающих отклонения от этого идеала как объективное основание конфликта.

Вера в необходимость поддержания «этнического баланса» заставляет Л. Перепелкина подыскивать иллюстрации соблюдения такого баланса в регионах, плохо подходящих для этой цели. При этом значение самого выражения «этнический баланс» незаметно подменяется: оно теперь используется не в смысле ограничения иммиграционного притока, а в смысле пропорционального представительства в структурах власти. Л. Перепелкин ссылается, в частности, на Финляндию как на пример поддержания «этнического паритета» в органах управления. Но в Финляндии, в отличие от Бельгии и Нидерландов, нет такой практики. Что касается гарантий для шведского меньшинства в Финляндии (таких, как признание шведского языка вторым государственным и возможность его использования в качестве языка делопроизводства и образования), то для описания этих мер ни категория «этнический паритет», ни категория «этнокультурная безопасность» ровным счетом ничего не дают. Эти меры вполне вписываются в контекст соблюдения прав человека.

На статье Л. Перепелкина мы остановились столь подробно потому, что содержащиеся в ней нерелевантные допущения весьма типичны для российской литературы по проблемам иммиграции. Пожалуй, центральное из этих допущений – представление о различии как источнике конфликта. Автор, которого мы только что цитировали, равно как и его многочисленные единомышленники, не сомневается в том, что различия (культурные, этнические, языковые, конфессиональные, жизненно-стилевые) сами по себе служат основой напряжений и коллизий. Так, по мнению Зинаиды Сикевич, к «формированию образа этнического врага» приводит, «как это ни парадоксально, сама этничность»⁹ (выделено мной. – В.М.). Исследователи, таким образом, изначально предполагают, что в основе социальных конфликтов лежит различие как таковое, а не условия социального взаимодействия, в которых любые различия только и приобретают значимость¹⁰.

Бросается в глаза еще одна теоретическая предпосылка, от которой многие наши коллеги отправляются как от само собой разумеющейся. Это приравнивание «иноэтничности» к «инокультурности». В российском случае такое отождествление особенно сомнительно, поскольку подавляющее большинство мигрантов в сегодняшней России – выходцы из республик бывшего СССР, т.е. люди, прошедшие социализацию в одних и тех же институтах. Авторы же, пишущие о миграции, представляют аскриптивные характеристики («украинцы», «адыги», «армяне») в качестве культурно-антропологических. Тем самым этническая принадлежность, т.е. приписанность к определенной этнической группе, начинает выглядеть как принадлежность к некоей особой культуре, мыслимой в фольклорно-романтическом ключе. Это не коммуникационная система, связующая индивидов с помощью общих знаков и символов, а этнографический конструкт, с которым реальные индивиды не имеют дела в своей повседневной практике. За этими невинными подменами следует далеко не невинное оперирование выражениями-мифологемами: «мусульманская диаспора», «азербайджанская преступность» и т.д. Когда телезритель или читатель газеты узнает от экспертов, что в Москве и Московской области «уже насчитывается порядка полутора миллионов мусульман», он вполне может представить себе плотное кольцо чужаков, проникнутых фундаменталистскими идеями, тогда как данная статистическая единица обозначает бывших советских

⁸ В начале июня 2003 г., в десятую годовщину событий в Золингене, в центральных немецких СМИ выступили ведущие германские политики, напомнив обществу о трагедии 1993 г. и выразив надежду, что память о произошедшем позволит не допустить подобного в будущем.

⁹ Нетерпимость в России: старые и новые фобии» / Под ред. Г. Витковской и А. Малашенко. М.: Московский Центр Карнеги, 1999. С. 99.

¹⁰ Справедливости ради стоит заметить, что подобная логика свойственна далеко не только российским авторам. Немецкий философ Курт Хюбнер также убежден, что мирное сосуществование различных этнокультурных сообществ – явление не из числа нормальных. Нормальным ему представляется их раздельное существование. «Исторический опыт учит: совместная жизнь различных культур в узком пространстве всегда была постоянным запалом, приводящим к новым и новым взрывам». См. Хюбнер К. *Нация. От забвения к возрождению*. М.: Канон, ОИ «Реабилитация», 2001. С. 390.

людей татарского, а также северо-кавказского и закавказского происхождения, в большинстве своем имеющих к исламу весьма стороннее отношение.

II

Среди *институтов*, способствующих этнизации миграции в публичном дискурсе, можно выделить:

- государственные и поддерживаемые государством общественные организации, целью которых является решение «проблемы миграции»;
- институт прописки (регистрации);
- законодательство, блокирующее возможность интеграции мигрантов в общество;
- общественные организации, в основу создания которых положены этноцентричные принципы.

Начнем наш разбор с наименее значительного участника воспроизводства этноцентристских представлений – этнических НПО¹¹. Последние располагают слишком скромными финансовыми, организационными и символическими ресурсами, чтобы их воздействие на публичные дебаты можно было считать весомым. Тем не менее часть этих организаций вольно или невольно способствует укреплению и распространению этноцентризма. Во-первых, некоторые из них ведут довольно активную издательскую деятельность¹². Во-вторых, их лидеры время от времени выступают по телевидению¹³.

Вклад *государственных и финансируемых государством структур* в этнизацию миграции в Германии можно проиллюстрировать на следующем примере, которым я обязан немецкому социологу Францу-Олафу Радтке¹⁴. Почти сразу после пересечения границы иммигранты, прибывающие в ФРГ, попадают под опеку общественных (часто церковных) организаций. Попечение о мигрантах сопровождается их сегрегацией по культурно-конфессиональному признаку. Так, католическая *Caritas* берет под свое крыло выходцев из «католических» стран – хорватов, португальцев, испанцев, поляков. Евангельская *Diakonie* принимает на себя заботу о христианах не католических конфессий (в основном выходцев из Греции). Мигранты из исламских стран становятся объектом попечительства со стороны таких организаций, как *Arbeiterwohlfahrt*. Так возникают «культурные группы». Реальная самоидентификация индивидов не имеет к их формированию никакого отношения. Оно целиком – результат административного решения. Классификация мигрантов по «культурному» признаку не отражает реальной социальной и культурной дифференциации мигрантов (беременные женщины и алкоголики, главы многодетных семей и одинокие холостяки, квалифицированные специалисты и разнорабочие, образованные и малограмотные, владеющие и не владеющие языком принимающей страны и т.д.).

Немецкое государство финансирует организации, которые, по замыслу, должны заниматься решением *проблемы мигрантов*. Ирония состоит, однако, в том, что эти организации как раз эту проблему создают, ибо фиксируют мигрантов в строго определенном статусе и делают его изменение практически невозможным: мигранты могут рассчитывать на поддержку только до тех пор, пока считаются членами той или иной «культурной группы», т.е. пока находятся внутри сообщества, границы которого заданы извне.

В России подобной сети опеки над мигрантами со стороны государства и тем более со стороны общества не существует. Этнизация миграции в российском случае связана – причем косвенным образом – с *институтом регистрации*.

Говоря о регистрации (как «по месту проживания», так и «по месту пребывания»), нельзя не напомнить, что последняя представляет собой эвфемизм советской прописки. Прописка, в отличие от регистрации в собственном смысле слова, носит не уведомительный, а разрешительный характер, а потому открывает широчайший простор произволу соответствующих чиновников. Аспектом такого произвола является практика, называемая в международной литературе «этническим профилированием» (*ethnic profiling*). Речь идет об отсутствующих *de jure*, но активно применяемых *de facto* этнических критериях при решении

¹¹ Я никоим образом не хочу утверждать, что само по себе вынесение в название общественной организации какого-либо этнонима свидетельствует об этноцентричном мышлении ее создателей или активистов. Лидеры многих этнических организаций, действующих в российских мегаполисах, не склонны преувеличивать ни значение этничности в структуре личностной идентичности, ни роль этнических факторов в социальной стратификации.

¹² Например, «Ассоциация по комплексному изучению русской нации» выпустила немало количество квазинаучных монографий и сборников статей, в которых тиражируются откровенно расистские идеи. В пике русскому шовинизму выходят шовинистические сочинения татарских, тюркских, вайнахских и других этноцентриков. Квалифицированную информацию об экстремистах националистического толка, действующих на территории России, можно найти на сайте: www.xeno-sova-center.ru/13E1E47. См. также: Музаев Т. Этнический сепаратизм в России. М.: Панорама, 1999.

¹³ Так, после конфликта между армянскими торговцами и местными молодыми людьми в городе Красноармейск Московской области летом 2002 г. один из центральных телеканалов взял интервью у представителя армянской диаспоры, предложившего свою интерпретацию происходящего. См. об этом подробнее: Малахов В. Расизм и мигранты // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2002. № 5 (25). С. 29–34.

¹⁴ См.: Radtke F.-O. Multikulturalismus – Regression in die Moderne? // Fluchtpunkt Europa: Migration und Multikultur / v. M. Fischer (Hrsg.). Fr. a. M.: Suhrkamp, 1998. S. 138–157.

вопросов о разрешении на пребывание в том или ином месте. Первоочередными жертвами такой практики становятся сезонные рабочие и переселенцы из Средней Азии, Закавказья, Молдавии и Украины, а также российские граждане из республик Северного Кавказа.

Этническое профилирование отчетливо просматривается в том, как власти относятся к мигрантам из южных областей России, ищущим счастья в больших городах центрального и северо-западного регионов. Хотя согласно федеральному законодательству гражданам РФ гарантируется свобода передвижения и места жительства, фактически эти свободы не распространяются на российских граждан «неславянской» наружности. Для милиционеров и работодателей они – такие же «черные», как и граждане государств Таджикистана или Азербайджана. Помимо регистрации, действует и другой, менее заметный, механизм ограничения права на выбор места жительства. Он связан с дискриминацией по этническому признаку при приеме на работу. Писанных правил, закрывающих доступ «кавказцам» и «азиатам» к определенным видам деятельности, не существует, но от этого они не перестают действовать.

По мнению чиновников, разделяемому обиденным сознанием¹⁵, прописка – единственное эффективное средство в борьбе с преступностью и прочими формами асоциального поведения. И сколько бы Конституционный суд ни выносил решений о противозаконности правил регистрации, принятых в том или ином регионе, эта практика процветает, предоставляя бюрократической фантазии все новые формы выражения. Так, в Белгородской области власти на протяжении ряда лет практиковали запрет на въезд лиц, политические или религиозные взгляды которых способствуют разжиганию межнациональной розни и проникновению международного терроризма¹⁶. В Ульяновской и Ярославской областях все беженцы и переселенцы подвергались проверке на употребление наркотиков и причастность к их сбыту¹⁷. В Ставропольском крае иностранные граждане могли получить вид на жительство в пределах квоты, равной 0,5 % числа жителей соответствующего населенного пункта; в Дагестане и Краснодарском крае вынужденные мигранты дискриминировались по принципу страны происхождения, а в Кабардино-Балкарской Республике кабинет министров специальным постановлением «Об упорядочении учета вынужденных переселенцев» от 7 декабря 1996 г. распорядился ... вообще прекратить их прием¹⁸.

Между тем опыт показывает, что рестриктивные меры не только не решают проблем, ради решения которых задуманы, но и обостряют уже существующие. Члены криминальных группировок легко обходят препятствия, воздвигаемые системой разрешительной регистрации, в то же время сама эта система выступает источником коррупции, пронизывающей государственные структуры снизу доверху – от рядового милиционера до чиновников, выдающих свидетельства о регистрации и перерегистрации. К тому же достаточно очевидно, что запреты сами по себе не способны сдержать массовых перемещений людей. Как констатируют эксперты, попытки властей Ростовской области административным путем ограничить приток мигрантов из Закавказья и Средней Азии «скорее всего приведут к массовым попыткам подкупа должностных лиц». В результате в Ростове будет постоянно проживать порядка 30–50 тыс. лиц «вне закона», что не может не сказаться на криминогенной обстановке и общественном спокойствии¹⁹. Наконец, стремление регулировать человеческие перемещения согласно бюрократическому произволу объективно приводит к вытеснению огромных масс населения за пределы правового поля.

Действие института прописки загоняет мигрантов в замкнутый круг: для того чтобы получить легальный статус (регистрацию), необходимо наличие места жительства (например, официально снимаемой квартиры), но для того чтобы получить место жительства, необходимо наличие легального статуса (регистрации). Граждане, сдающие жилье в наем, попросту не готовы иметь дело с паспортным столом в милиции.

Нет нужды рисовать картину социальных последствий такой ситуации. Понятно, что она приводит к *геттоизации мигрантов*. Лишенные возможности встроиться в нормальную жизнь, переселенцы пополняют ряды маргиналов. В случае же их этнического отличия от основного населения принимающего сообщества они становятся членами социальных групп, образуемых по принципу происхождения – так называемых этнических сетей. Часть последних (в процентном отношении к общему количеству мигрантского населения незначительная) носит криминальный или полукриминальный характер.

¹⁵ О социально-структурных и социально-психологических корнях веры в полезность и необходимость прописки см.: **Тишков В.А.** Социальная природа института прописки // Он же. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука, 2001. С. 98–103.

¹⁶ См. **Мукомель В.И.** Перспективы притока вынужденных мигрантов в Россию // Миграционная ситуация в странах СНГ. М.: Комплекс-Прогресс, 1999. С. 198.

¹⁷ Там же. С. 199.

¹⁸ Там же. С. 198; 208. Впрочем, отрадно заметить, что эти юридические казусы существовали лишь в 1990-е гг. В 2000 г. они были отменены как антиконституционные.

¹⁹ **Хоперская Л.** Современные этнополитические конфликты и проблема миграции на Северном Кавказе // Миграции в постсоветском пространстве: политическая стабильность и международное сотрудничество / Под ред. Р. Азраэла, В. Мукомеля, Э. Паина. М.: Комплекс-Прогресс, 1997. С. 163.

Возникает следующий парадокс: институт регистрации как раз порождает те явления, с целью предотвращения которых он введен.

Отдельного упоминания заслуживает новое законодательство в отношении мигрантов. Я имею в виду принятые недавно редакции Закона о гражданстве Российской Федерации и Закона о правовом положении иностранных граждан. Даже в рамках прежнего законодательства обретение мигрантами правового и социального равноправия по отношению к постоянным резидентам было весьма проблематичным. Новые законы закрывают и без того минимальные возможности интеграции в общество новых членов.

Рестриктивные меры в отношении миграции традиционно объясняются их российскими адептами тощим бюджетом и неразвитостью социальной инфраструктуры, не позволяющей инкорпорировать в общество большие массы переселенцев. Спору нет, российская экономика, ориентированная на сырьевой экспорт, не в состоянии предложить мигрантам возможностей трудоустройства, имеющихся на Западе, а отечественная система социального обеспечения находится в состоянии столь плачевном, что не может позволить себе крупных затрат на программы адаптации мигрантов. Отчасти этим последним обстоятельством объясняется стратегия компетентных органов – медлительность территориальных отделов ФМС в регистрации соискателей статуса вынужденного переселенца, саботирование местными властями федеральных законов (будь то право на выбор места жительства или выплата единовременных пособий, по закону полагающихся беженцам). Но лишь отчасти. Рациональные резоны здесь явно уступают эмоционально-идеологическим. Ну не укладывается в сознании чиновника, что «инородцы» могут обладать теми же правами, что и «коренные». И уж совсем за пределами его разумения – перспектива натурализации «черных», причем не «наших», из Средней Азии и Закавказья, а «тех» – индусов, перуанцев, африканцев.

Давайте называть вещи своими именами. Правовой беспредел – правовым беспределом, а расизм – расизмом. Ибо никаким экономическим кризисом не объяснить, почему из многих десятков тысяч (по разным оценкам – от 40 до 100 тыс.) афганцев, живущих в России (а это в основном те, кто помогал России строить в Афганистане социализм и бежал оттуда после ухода советских войск в 1989 г.), за десять с лишним лет гражданство получило менее ста человек. Никакими экономическими неурядицами не объяснить и того, почему из более чем 15 тыс. грузин, бежавших из Абхазии в Краснодарский край во время войны 1992–1993 гг., на сегодняшний день статус вынужденного переселенца получил 121 чел.²⁰

III

В российском и немецком обращении с феноменом миграции есть немало общих черт. Во-первых, в публичном дискурсе обеих стран доминирует *этническая модель*, в рамках которой нация рассматривается как общность происхождения, предполагающая единую культурную идентичность, а не как гражданско-политическое сообщество, допускающее множественность культурных идентичностей своих членов. Во-вторых, политические элиты обоих государств активно не желают называть свои страны «иммиграционными». Во время обсуждения в Бундестаге нового законодательства об иммиграции камнем преткновения было именно это обстоятельство: принятие проекта закона по сути означало признание того факта, что Германия является «иммиграционным государством» (*Einwanderungsstaat*). Политические элиты в России также ориентируют свое поведение на идеал «национального государства», понятого в терминах этнокультурной однородности. Риторика многонациональности, к которой иногда прибегают российские чиновники, ничего принципиально не меняет: Россия, согласно широко распространенному мнению, есть держава с одним «государствообразующим народом» и несколькими десятками этнических («национальных») меньшинств²¹.

²⁰ См. Айламазьян В.Б., Осипов А.Г., Сапожников Р.В. Правовые механизмы противодействия этнической дискриминации и разжиганию этнической вражды в России, возможности их использования и степень эффективности. Доклад правозащитного Центра «Мемориал» (www.tolerance.ngo.ru, www.memo.ru/discrim/ethn). Как отмечают авторы цитируемого доклада, всего осенью 1992 г. из Абхазии в Краснодарский край бежало около 30 тыс. человек, около 5 тыс. были эвакуированы из Сухуми в октябре 1993 г. Второй по численности группой беженцев после грузин были армяне. Статус вынужденных переселенцев получили 598 чел. этой национальности, общее же число лиц, получивших такой статус, – около 2 тыс. Избирательность в предоставлении статуса по этническому признаку очевидна.

²¹ Данная установка, несмотря на ее противоречие Конституции, находит приверженцев и среди законодателей. Так, в разделе VI Концепции государственной национальной политики РФ (1996) читаем: «Межнациональные отношения в стране во многом будут определяться самочувствием русского народа, являющегося опорой российской государственности» (Национальные отношения: отечественные и международные правовые документы. М., 1998. С. 29). В унисон этой позиции звучит мнение представителя исполнительной власти – бывшего министра РФ по делам национальностей и федеративным отношениям: «Думается, что именно полнокровный федерализм является оптимальной моделью развития государственности в России. Но федерализм с учетом особенностей нашей многонациональной державы, ее территории, доминирования русской нации» (Михайлов В. Предисловие // Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. С. 3–4).

Данная – (этно)националистическая – модель в значительной мере определяет отношение бюрократий в обоих государствах к феномену иммиграции. И здесь, и там иммиграционная политика делает акцент на поощрении въезда членов этнонации. Правда, в российском случае ситуация не столь однозначна. Установки, которыми руководствуются чиновники, крайне противоречивы²². Безоговорочно этноцентричной на сегодняшний день можно считать политику властей одного российского региона – Краснодарского края²³. В Германии же этнические предпочтения при приеме иммигрантов достаточно очевидны. Вплоть до изменений в законодательстве о гражданстве, внесенных в 1999 г., мигранты «немецкого» происхождения, независимо от срока давности, здесь считались репатриантами²⁴.

Федеративная Республика инкорпорировала между 1945 и 1988 годами около 14 млн чел. В начале 1990-х гг. иммиграционный приток в страну составлял до 1 млн чел. ежегодно²⁵, однако официальная статистика давала цифры в несколько сотен тысяч чел.²⁶, поскольку «этнические немцы» иммигрантами не считались.

Классификация мигрантов по принципу репатрианты *versus* иностранцы во многих отношениях противоречила здравому смыслу. Первые не рассматривались как иммигранты, хотя по существу таковыми являлись (ибо в большинстве не знали языка и не обладали социальной компетенцией, необходимой для интеграции в принимающее сообщество). Вторые, напротив, считались иностранцами даже в том случае, если речь шла о втором и третьем поколении этих людей. Идеал (этно)национального государства побуждал власти к действиям, контрпродуктивным с точки зрения экономической рациональности: на мероприятия по интеграции «аусзидлеров» тратились гигантские средства, тогда как потомки гастарбайтеров с Балкан и из Турции, прошедшие социализацию в Германии, уже были интегрированы. Государство, тем не менее, предпочитало вкладывать деньги в обустройство новых репатриантов, поощряя гастарбайтеров к отъезду на «историческую родину».

Этноцентричное понимание природы национального сообщества приобрело в Германии такую степень легитимности, что попытки коалиционного правительства социал-демократов и зеленых провести в 1999 г. через парламент закон, разрешающий двойное гражданство, были заблокированы под влиянием протестов общественности²⁷. Впрочем, помимо роли традиции, ригидность немецкого общества в трактовке феномена нации объясняется и причинами историко-политического порядка: разделом страны в 1945 г. на оккупационные зоны, из которых впоследствии возникло два государства. Формально признав ГДР, политические элиты Федеративной Республики в течение четырех послевоенных десятилетий придерживались концепции разделенной нации, что нашло отражение в Конституции. Отсюда и произошло, что в Основном законе страны была закреплена дефиниция «немецкости», восходящая к имперскому законодательству 1913 г.

Объединение страны, произошедшее в 1990 г., открыло дорогу к пересмотру базисных допущений консервативного политического дискурса²⁸. Этот пересмотр, правда, идет крайне болезненно, о чем свидетельствует и компромиссный характер иммиграционного закона, принятого в 2002 г., и недавние дебаты о «руководящей культуре» (*Leitkultur*)²⁹.

²² Например, в упомянутой выше «Концепции государственной национальной политики» говорится о необходимости оказания поддержки «соотечественникам за рубежом» и «особенно этническим россиянам». Симптоматична этнизация термина «россияне», обычно используемого для обозначения над-этнического, гражданского сообщества. Однако чаще под «зарубежными соотечественниками» российские официальные лица имеют в виду не этнических русских, а выходцев из России, проживающих в сопредельных государствах и сохранивших лояльность русскому языку и культуре.

²³ В центральную прессу попали и тем самым стали достоянием гласности одиозные высказывания губернатора А. Ткачева, ксенофобия которого в самом крае ни для кого не является секретом. Речь идет о критериях регистрации в регионе приезжих: людей с фамилиями, оканчивающимися на «огль» или «швили», было обещано не регистрировать (Известия. 2002. 20 марта; Иностранец. 2002. 26 марта).

²⁴ Ради семантической точности следовало бы назвать их экс-патриантами, ибо *Aussiedler* буквально означает не «переселенец», а «выселенец». Термин «переселенец» (*Uebersiedler*) в германском официальном дискурсе применяется для обозначения немецких граждан, изгнанных после второй мировой войны с территорий, отошедших другим государствам, например из Силезии, частично вошедшей в состав Польши, или Восточной Пруссии, ставшей частью СССР.

²⁵ См.: **Castles S.** Democracy and Multiculturalism in Western Europe // L. Holmes, Ph. Murray (eds.). *Citizenship and Identity in Europe*. Gateshead, Tine&Wear: Athenaeum Press, Ltd, 1997. P. 55–72.

²⁶ См.: **Sassen S.** *Guests and Aliens*. N.Y.: The New York Press, 1999.

²⁷ Вернее, активистами оппозиционного блока ХДС/ХСС, собравшими 2 млн подписей в поддержку призыва отказаться от предложенного законопроекта.

²⁸ Стоит заметить, что значительная часть немцев как в Западной, так и в Восточной Германии не разделяла этих допущений и, в противовес этнической концепции нации, ориентировалась на ее гражданско-политический идеал. Согласно этой позиции, у граждан ГДР после падения режима Хонеккера не следовало отнимать шанс на развитие в рамках самостоятельной, автономной политики. См.: **Habermas J.** *Nochmals zur Identität der Deutschen* // Idem. *Kleine politische Schriften VII*. Fr. a M.: Suhrkamp, S. 205–224. Рус. пер. см.: **Хабермас Ю.** В поисках национальной идентичности. Философские и политические статьи. Донецк: Донбасс, 1999. С. 93–122.

²⁹ Эти дискуссии поразительно напоминают российские дискуссии об «этнокультурной» и «конфессиональной» безопасности, с той, правда, разницей, что в Германии разговоры о «руководящей культуре» ведутся на страницах газет, а в России – в коридорах власти. В частности, концепция «Конфессиональной безопасности РФ» обсуждалась весной 2003 года иерархами РПЦ при участии министра В. Зорина.

И все же очевидные параллели между Россией и Германией не должны помешать разглядеть важное *различие в тенденциях*. Изменения в законодательстве, принятые в 1999–2002 гг. в ФРГ, направлены в сторону смягчения существовавших прежде ограничений. Это свидетельствует о наметившемся отходе от этноцентричного видения национального сообщества и растущей готовности немецкого общества к включению в свой состав новых членов. В российском законодательстве, напротив, изменения направлены в сторону ужесточения. Тем самым закрепляется этноцентричный идеал нации как сообщества происхождения, которое не считает нужным пополнять свой состав за счет миграции.